

«НЕВИДИМАЯ РУКА», ОРГАНИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И СПОНТАННЫЕ ПОРЯДКИ: ЭВОЛЮЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

А. В. КОВАЛЁВ¹⁾¹⁾Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируются генезис и последующее влияние смитовского принципа «невидимой руки» как обезличенной силы, которая стимулирует действия каждого экономического субъекта, совершаемые под воздействием частного интереса, к достижению общественного блага. Развивая такой подход к механизму межличностной координации, в традиции австрийской школы экономики К. Менгер создал теорию возникновения органических институтов, а Ф. Хайек – теорию спонтанного порядка. Появление социальных институтов и эволюция человечества объясняются на основе трактовки возникновения и распространения знания. Спонтанный порядок, являясь результатом действий людей, не может формироваться не методом проб и ошибок, как и отбор тех эффективных правил, которые способствуют возникновению порядков. В связи с вышесказанным представляется неверным критиковать А. Смита за поддержку таких регулятивных государственных начинаний, которые могут трактоваться как эксперименты по поиску практик, ведущих к процветанию.

Ключевые слова: «невидимая рука»; А. Смит; К. Менгер; Ф. Хайек; знание; спонтанный порядок.

Благодарность. Автор высказывает благодарность участникам конференции «Экономика, общество и культура: наследие Адама Смита и современность», состоявшейся на экономическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова 10 ноября 2023 г., за ценные комментарии и замечания.

«INVISIBLE HAND», ORGANIC INSTITUTIONS AND SPONTANEOUS ORDERS: THE EVOLUTION OF THE RESEARCH PROGRAMME

A. V. KAVALIYOU^a^aBelarusian National Technical University, 65 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220013, Belarus

Abstract. The author of the article analyses the genesis and subsequent influence of the Smithian approach of the «invisible hand» as an impersonal force pushing the actions of each economic entity, carried out under the influence of private interest, to achieve the public good. Developing this approach to the mechanism of interpersonal coordination, in the tradition of the Austrian school of economics, the theory of the emergence of organic institutions by K. Menger and the theory of spontaneous order by F. Hayek were created. The basis for explaining the emergence of social institutions and the

Образец цитирования:

Ковалёв АВ. «Невидимая рука», органические институты и спонтанные порядки: эволюция исследовательской программы. *Журнал Белорусского государственного университета. Экономика.* 2024;1:17–24.
EDN: WKJWHS

For citation:

Kavaliou AV. «Invisible hand», organic institutions and spontaneous orders: the evolution of the research programme. *Journal of the Belarusian State University. Economics.* 2024;1:17–24. Russian.
EDN: WKJWHS

Автор:

Александр Васильевич Ковалёв – кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры экономики и права факультета технологий управления и гуманитаризации.

Author:

Aliaksandr V. Kavaliou, PhD (economics), docent; associate professor at the department of economics and law, faculty of management technologies and humanisation.
kavaliou.aliaksandr@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0172-6447>

evolution of humanity as a whole is the interpretation of the emergence and spread of knowledge. A spontaneous order, which arises without a rational plan and will of people, but as a result of their actions, cannot be formed otherwise than by trial and error. The same method touches the selection of those effective rules that contribute to the formation of social orders. In this regard, it seems misleading to criticise A. Smith for supporting some regulatory government endeavors that can be interpreted as experiments in finding practices that lead to prosperity.

Keywords: «invisible hand»; A. Smith; C. Menger; F. Hayek; knowledge; spontaneous order.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the participants of the conference «Economy, society and culture: Adam Smith's legacy and modernity», held at the faculty of economics of Lomonosov Moscow State University on 10 November 2023, for valuable comments and observations.

Введение

Триста лет со дня рождения одного из основоположников классической политической экономии А. Смита представляется отличным поводом для переосмысления его учения. В вопросе о роли А. Смита в развитии экономической науки большинство ученых солидарны: они считают труд «Исследование о природе и причинах богатства народов» первым всеобъемлющим трактатом, представляющим собой систему взглядов на понимание хозяйственных отношений [1–5], включающих разделение труда и его влияние на производительность, накопление и формирование капитала, концепцию естественной и рыночной цены, распределение богатства между классами и элементы институциональных факторов экономического устройства общества. При этом в вопросе о степени либеральности взглядов А. Смита мнения разделились. Е. М. Майбурд [5] подчеркивает отстаивание А. Смитом идеала естественной свободы и формулирование им эффекта непреднамеренных последствий. М. Блауг [3] акцентирует внимание на роли системы относительных цен как механизма увязки частных и общественных интересов и как фундамента распределения ресурсов. В то же время М. Ротбард [6] и П. В. Усанов [7] считают, что причислять А. Смита к представителям экономического либерализма неправомерно по некоторым причинам, включая то основание, что он выступал за различные виды интервенционизма (предоставление государством определенных услуг, вмешательство в банковскую деятельность и др.). А. Ронкалья отмечает, что естественная свобода А. Смита формируется в рамках набора правил, устанавливаемых государственным вмешательством, а потому автора работы «Исследование о природе и причинах богатства народов» правильно называть не догматичным, а прагматичным либералом [8]. Мы указывали, что к прагматичному либерализму (либерализму здравого смысла) относятся взгляды основателя австрийской школы экономики К. Менгера, допускавшего вмешательство правительства в обеспечение функционирования инфраструктуры, решение проблемы негативных экстерналий и правовое регулирование рынка труда [9]. В то же время либерализм выступает у К. Менгера и идеологическим фундаментом исследовательской программы, и следствием экономической политики [10].

В исследовании показано, что смитовский принцип «невидимой руки» компенсирует всю прагматичность его подхода к государственному вмешательству, поскольку не просто подкрепляет либерально-рыночное основание ответа на ключевые вопросы экономики (что производить? как производить? для кого производить?), но и перебрасывает мостик от шотландской либеральной исследовательской традиции к пониманию социальных институтов как спонтанных порядков, предложенному Ф. Хайеком. При этом поддержка им некоторых форм государственного вмешательства может трактоваться как социальный эксперимент по поиску эффективных хозяйственных практик.

Принцип «невидимой руки» А. Смита

Под экономическим либерализмом мы будем понимать идеологию экономической свободы, невмешательства государства в производственную, финансовую и торговую деятельность хозяйствующих субъектов [5]. Задолго до выхода труда «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смит сформулировал свое видение роли государства таким образом, что сомнений в его ориентации на либеральную парадигму не остается: «...чтобы поднять государство с самой низкой ступени варварства до высшей ступени благосостояния, нужны лишь мир, легкие налоги и терпимость в управлении; все остальное сделает естественный ход вещей...» [2, с. 166–167]. Естественный ход вещей опирается на частный интерес: стремление людей улучшить свое положение побуждает их стремиться к оптимизации использования всех имеющихся у них капитальных и трудовых активов, проявляя при этом изобретательность и когнитивные способности [11; 12]. Государство же должно, по мнению А. Смита, сосредоточиться на защите жизни и собственности граждан, обеспечивать общество услугами, которые не могут или не хотят из-за невыгодности производить предприниматели, и поддерживать этот естественный порядок, поскольку деятельность граждан в целях личной выгоды всегда будет приводить к общественному благу.

Мысль о том, что конфликта частных и общественных интересов не существует, А. Смит повторяет неоднократно [5]. Приведем некоторые цитаты для подтверждения данного тезиса: «Каждый отдельный человек постоянно старается найти наиболее выгодное приложение капитала, которым он может распоряжаться. Он имеет в виду свою собственную выгоду, а отнюдь не выгоду общества. Но... это неизбежно приводит его к предпочтению того занятия, которое выгодно обществу» [12, с. 441]; «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов» [12, с. 77]. Наконец, в известном пассаже он указывает на природу механизма установления этого баланса интересов (она не рациональная, а спонтанная). «Невидимая рука» ведет эгоистичных индивидов к общественному благу: в хозяйственной деятельности человек «...имеет в виду лишь свой собственный интерес... преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, *как и многих других*, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это»¹ [12, с. 443].

Выделенный курсивом фрагмент указывает на типичность ситуации, когда некий феномен появляется при отсутствии замысла и постановки цели неким единым центром в результате действий независимых субъектов, опирающихся на собственные устойчивые мотивы поведения. Множество трактовок понятия «невидимая рука» (божественное провидение [13], стихийные рыночные силы или конкуренция [14; 15], объективные экономические законы [2, с. 174], просто оборот речи) проанализированы Р. И. Капелюшниковым. Мы разделяем мнение исследователя о том, что речь идет о безличном социальном механизме [16, с. 65]. Этот механизм является сигнальным: «невидимая рука» не ведет за руку, скорее, «указующий перст» указывает каждому субъекту направление для достижения собственной цели, но направление это формируется в результате сложения векторов интересов всех индивидов, т. е. выступает одновременно и путем достижения общественного интереса. Принцип «невидимой руки» «работает лишь при определенных институциональных условиях» [16, с. 71], выступая связующим звеном при передаче информации от общества каждому отдельному индивиду.

Понятия, аналогичные смитовскому понятию «невидимая рука», незримо или зримо присутствуют и в трудах других представителей эпохи Просвещения в целом и шотландского просвещения в частности [17]. Так, А. Фергюсон утверждал, что многие институты являются результатом человеческого действия, а не исполнением некоего человеческого замысла (сам он при использовании данного выражения ссылается на кардинала де Реца) [18, с. 189]; Б. де Мандевиль предупреждал о невозможности построить лучший мир по плану, отказавшись от мира сформированного; Д. Юм высказывал догадку о том, что для развития общества достаточно просто опираться на естественные законы, которые он формулировал как добродетели: «...справедливость, или уважение к собственности других лиц, и верность, или исполнение обещаний» (цит. по [19, с. 63]). Традиция Просвещения подчеркивала непредвиденность последствий человеческих действий. По мнению Б. де Мандевилья, отказ от расточительства (на первый взгляд, положительное явление) ведет к экономическому спаду. А. Фергюсон констатирует, что «человечество, руководствуясь теми представлениями, которыми оно обладает на данный момент, достигает – в стремлении устранить неудобства и получить весомые и ощутимые преимущества – таких результатов, которых и не способно было предвидеть его воображение...» [18, с. 189], а затем намечает и путь, который приводит к результату: «...мы приписываем некому предварительно составленному плану то, к чему возможно было прийти лишь *путем проб и ошибок*, то, чего не могла предугадать никакая человеческая мудрость, то, к чему бы не смогла склонить людей никакая власть...» [18, с. 191].

А. Смит через действие «невидимой руки» объясняет исходный элемент всей своей системы – разделение труда, выступающее источником прогресса в развитии производительной силы труда. Он пишет: «Разделение труда не является результатом чьей-либо мудрости, предвидевшей и осознавшей то общественное благосостояние, которое будет порождено им: оно представляет собой следствие... определенной склонности человеческой природы, которая отнюдь не имела в виду такой полезной цели, а именно склонности к торговле, к обмену одного предмета на другой» [12, с. 76]. Феномен разделения труда – непредвиденный результат склонности к обмену, представляющий собой итог того, что люди во время обмена обнаруживали, какие предметы ценятся обществом выше, к какому роду деятельности сами субъекты подготовлены лучше, и, специализируясь в данной деятельности, совершенствовали свои умения, благодаря чему могли удовлетворить потребности общества наилучшим образом. Обмен предметами включает в себя и обмен знаниями, хотя А. Смит либо упускает данный аспект, либо как минимум не акцентирует на нем внимание.

¹Здесь и далее курсив в цитатах наш. – А. К.

Теория органических институтов Менгера

К. Менгер начинает работу «Основания политической экономии» с констатации того, что «Адам Смит... в главе о разделении труда указал на одну лишь причину повышающегося благосостояния людей, другая же, не менее важная, ускользнула от его наблюдения» [20, с. 84]. Ускользнувшая причина – это возрастающее привлечение благ высшего порядка и познание их роли: «Прогресс в познании причинной связи предметов с благосостоянием людей и возрастающее подчинение наиболее отдаленных условий этого благосостояния привели людей от состояния дикости и глубочайшей бедности к современной ступени их культуры и благосостояния» [20, с. 86]. В вопросе возникновения и передачи знания К. Менгер уделяет значительное внимание социальным институтам как прагматического характера (созданных по заранее подготовленному плану при наличии общей воли людей к их установлению), так и органического характера (возникших стихийно, помимо воли и планов отдельных индивидов, как результат непреднамеренных действий). Именно комплексное междисциплинарное рассмотрение феноменов последнего типа позволяет постичь наиболее сложные проблемы социальных наук [21, с. 405].

Хозяйственные феномены относятся преимущественно ко второму типу. На примере денег К. Менгер демонстрирует формирование данного института [20–22], и процесс передачи знания занимает в нем не последнее место. Не все приходят к одновременному пониманию выгоды использования товара с наибольшей способностью к сбыту, но по мере осознания другими людьми данной выгоды практика косвенного обмена расширяется вплоть до выдвигания какого-то из товаров на роль универсального средства обмена. Французская исследовательница А. Фестре называет данный процесс самодостаточным процессом обучения, который характеризуется асимметрией знания, обучением методом подражания, самоорганизацией отбора и сетевым эффектом [23]. Развивая важность роли институтов, К. Менгер «самой замечательной проблемой социальных наук» считал объяснение того, «как же могут возникать институты, служащие для общественного благополучия и чрезвычайно важные для его развития без общей воли, направленной к их установлению?» [21, с. 404]. В приведенной цитате фактически идет речь о предмете экономической науки.

Что касается возникновения хозяйственного (и технологического) знания, то К. Менгер напрямую не говорит о его механизме, но косвенно возлагает эту миссию на предпринимателей [24]: «...изобретатели, или первые предприниматели, *впервые* переходят к применению благ ближайшего высшего порядка» [20, с. 165]. Технологическое знание косвенно предполагает проведение предварительных экономических расчетов, причем не только прямой финансовой окупаемости проекта. Выбор той или иной технологии производства опирается на прогноз объема спроса.

Роль знания выходит на первый план в учении К. Менгера еще в одном аспекте – в вопросе о регулировании рынка труда, налогах и правительственных расходах. К. Менгер выступает за правительственное регулирование рынка труда в части запрета детского труда и ограничения рабочего дня 15 ч даже в тех случаях, когда рабочие стремятся за счет сверхурочной занятости увеличить собственный доход, работая до истощения физических сил и здоровья и ослабляя свои умственные способности, при этом они опускаются до состояния машин [25, р. 129]. Строительство школ и обеспечение их всем необходимым являются главнейшими задачами правительства для достижения долгосрочной перспективы. Обязательное начальное образование в 1870-х гг. охватывало детей обоих полов в возрасте от 6 до 12 лет. Эффективность школьной системы подтверждается данными переписи 1890-х гг.: 98 % людей, родившихся в 1830-х гг., посещали школу, 99 % этих людей были грамотными [26]. В чешских и австрийских землях неграмотность была практически полностью ликвидирована к 1869 г. (неграмотными остались 2,4 % и 3,1 % населения соответственно), в то время как у румын и русинов этот показатель достигал 60 % [27]. Наблюдалась устойчивая корреляция между развитостью того или иного региона страны и предложением образовательных услуг как по количеству классов на 1000 учеников, так и по количеству средних школ и гимназий. Одним из факторов подобного распределения услуг могло стать распределение налоговой базы. Понимая это, К. Менгер доказывал, что образование должно быть доступно всем детям вне зависимости от способности родителей уплатить налог (А. Смит считал, что получение выгоды от предоставляемого государством блага должно базироваться на уплате соответствующего налога).

В отличие от А. Смита, К. Менгер более конкретно указывает на то, что «невидимая рука» побуждает участников эволюционного процесса, которые стремятся к достижению собственного интереса, сформировать социальные институты, служащие уменьшению разнообразных транзакционных издержек. Фактически институты обеспечивают экономию на информационных издержках, позволяя составить достаточно точное представление о поведении других людей (в том числе о потенциальном, ожидаемом), не прибегая к более детальному сбору информации о них.

Кроме того, К. Менгер делает набросок ответов на два важных вопроса, каждый из которых будет развит Ф. Хайеком.

1. Как формируется знание? С точки зрения К. Менгера, началом этого процесса выступает столкновение интересов. Доказательством данного тезиса является движение к диапазону рыночной цены от разнородных и разбросанных субъективных оценок значимости товара.

2. Как распространяется знание? По мнению К. Менгера, это происходит через коммуникацию. Последняя требует для эволюции цивилизации эволюции языка как человеческого органа и языка как способа общения.

Ф. Хайек и теория спонтанного порядка

По мнению многих исследователей, спонтанный порядок Ф. Хайека является своеобразной реинкарнацией, коррелятом смитовской «невидимой руки» [28, с. 52–53; 29, с. 134]. Под порядком Ф. Хайек понимает способ координации, позволяющий с различной степенью эффективности объединить ожидания различных людей. Спонтанным (стихийным) он называет такой социальный порядок, который появился «не в результате воплощения сознательного замысла или намерения человека... а... из непреднамеренного следования определенным... моральным практикам» [19, с. 15]. Несомненным вкладом Ф. Хайека в науку является разработка концепции эволюции (культурной эволюции), которая смогла объяснить процесс отбора правил, моральных практик или институтов, обеспечивающих формирование социальных порядков. Ключевую роль в данной концепции играет знание.

В малых группах охотников и собирателей, в форме которых существовала человеческая цивилизация до относительно недавнего времени (10–12 тыс. лет назад), проблема координации решалась достаточно просто благодаря количеству носителей знания и сходству целей (а значит, и системы ценностей) всех членов группы. Предусматривались, как правило, совместное определение целей, планирование деятельности и рациональное (основанное на разуме) конкретное разделение обязанностей между членами группы. Порядок малой группы опирался на правила, называемые Ф. Хайеком естественной моралью: коллективизм, альтруизм членов группы и противодействие чужакам.

Порядок, который начал складываться 10–12 тыс. лет назад (иногда его называют открытым обществом, рыночным порядком, Ф. Хайек предпочитал термин «расширенный порядок человеческого сотрудничества»), радикальным образом отличается от традиционного порядка в малых группах. Он является самым большим из спонтанных порядков.

Указанный порядок всего человеческого общества не мог быть проектом чьего-либо замысла по нескольким причинам. Во-первых, он был сформирован не для людей с общими целями, а для открытого множества индивидов, чтобы координировать их цели. Во-вторых, построенный на общности целей порядок требовал концентрации знания в одном месте (одной голове). Чем больше людей были участниками нового порядка, тем больше требовалось межличностного взаимодействия, тем больший объем знания был вовлечен в оборот. Знание никому и никогда не дается целиком – оно рассеянно, дисперсно, разделено между всеми [30]. Это открытие Ф. Хайека логично выдвигает требование по поиску некоего концентрата знания в различных видах деятельности и механизма, ведущего к выявлению данного концентрата. В хозяйственной деятельности таким субстратом (носителем информации) выступают относительные цены, а механизмом их формирования становится конкуренция покупателей и производителей (шире – конкуренция целей людей). В-третьих, у спонтанного порядка по определению не бывает некоего изначального предназначения. В результате миллиардов человеческих действий возник институт денег, и попытка задним числом придать этому процессу якобы изначальный замысел ведет к тщетным усилиям по придумыванию и реализации некой цели, например обеспечения устойчивости ценности денег. Отсутствие изначальной цели не означает отсутствия у подобного порядка полезности для индивидов: в широком смысле он служит координации множества индивидуальных планов.

Спонтанные порядки являются формой накопления социального знания, которая в конечном счете определяет прогресс. Ключевым элементом порядка становится обмен знанием: покупая товар по наименьшей цене, мы получаем информацию, что его производитель достиг наивысшего уровня умения в своей специализации. Обмен знаниями исторически шел рука об руку с развитием обмена результатами человеческой деятельности – торговлей, выделение которой в самостоятельный вид деятельности Ф. Хайек считает важнейшим условием развития иных видов деятельности, включая земледелие и ремесло.

Новый порядок никогда не возник бы без изменения правил человеческого поведения. «Естественная» мораль уступила место новой: коллективизм стал сменяться результатами производственной деятельности, достигнутыми за счет индивидуальных усилий, на место альтруизма пришел эгоизм с точки зрения стремления к достижению индивидуальных целей. Укоренению новой морали способствовала имплементация новых правил, появление, отбор и закрепление которых являются предметом теории

культурной эволюции [31]. Среди них ключевое место занимают закрепленное право человека распоряжаться по своему усмотрению обособленным имуществом (право частной собственности), честное исполнение договорных обязательств, соблюдение неприкосновенности частной жизни. Эффективные правила, способствующие прогрессу использующих их групп (в терминологии Ф. Хайека правильные практики), могут возникать и спонтанно, и рационально. В данном случае важно, что этот процесс осуществляется методом проб и ошибок. Эволюция правил основана на групповом отборе, конкуренция правил проявляется через конкуренцию порядков: благополучие и расширение групп подтверждают эффективность того или иного набора правил. В итоге процветают те сообщества людей, в хозяйственную деятельность которых вовлечен наибольший массив знаний – явных (технологических, управленческих, научных) и неявных, неформализованных, невербализованных (знания обстоятельств места и времени), поскольку именно знания позволяют задействовать в экономике максимум накопленного в обществе капитала – физического, человеческого, социального.

Из своей теории Ф. Хайек сделал ряд практических выводов относительно экономической политики. Во-первых, он дополнил дискуссию о невозможности экономического расчета аргументом данных и аргументом знания. Во-вторых, в дискуссии о природе и причинах экономического цикла Ф. Хайек сделал акцент на необходимости наращивать не просто инвестиции, а инвестиции в отрасли, производящие соответствующую текущей структуре спроса продукцию, поскольку именно такое направление вложений гармонизирует цели участников рыночного процесса. Данный подход требует отказа от любого искажения информационных сигналов для распределения капитала как в горизонтальном (межотраслевом), так и в вертикальном (межвременном) разрезе.

Возвращаясь к критике некоторыми учеными А. Смита за поддержку ряда регулятивных правительственных активностей, зададимся вопросом: может ли кто-либо знать *ex-ante*, что предлагаемые формы государственного вмешательства являются неправильными практиками? Очевидно, нет. Отбор практик требует их апробации, продолжительность которой неизвестна, поскольку эволюция имеет дело с весьма значительными временными отрезками. В период работы А. Смита и К. Менгера многие регулятивные меры наверняка не были апробированы в полной мере (сохраняют такой статус и сейчас), а экспериментирование с ними как раз абсолютно вписывается в теорию культурной эволюции. Не являются ли элементы вмешательства государства в хозяйственную жизнь просто поиском правильных практик? На этом основании отнесение А. Смита к нелибералам представляется сомнительным. Тем более он предлагает отказаться от многого, что ограничивает перспективу прогресса: ремесленного ученичества и закона о поселениях для мобильности рынка труда, пошлин и иных ограничений внешнеторговой деятельности для укрепления специализации и роста суммарной производительности, ограничения на торговлю землей, использования косвенных налогов как регуляторов производства (А. Смит видит возможность сохранения за ними лишь фискальной функции). К тому же догадка о том, что ни один чиновник не сможет достичь в производстве эффективности частного предпринимателя, тоже не вписывается в антилиберальную программу.

Заключение

Принцип «невидимой руки», как гениальная идея методологии либерализма, перевешивает все текущие «интервенционистские» проявления смитовских рекомендаций по поводу экономической политики, относить его на этом основании к этатистской традиции неправомерно. Именно невмешательство в процесс образования институтов является высшей степенью либерализма, требующей осознания неполноты собственного или чьего-либо знания для упорядочения неизвестного. Данный вывод не исключает критики смитовской концепции ценности как отхода от субъективной традиции, понятий производительного и непроизводительного труда и прочих взглядов. Поддержка А. Смитом ряда форм государственного вмешательства в хозяйственную деятельность может трактоваться как необходимость изучения того, насколько верной окажется подобная практика для долгосрочной перспективы. При этом те формы регуляции, которые однозначно были апробированы и проанализированы (политика меркантилизма), А. Смитом очевидно отвергались.

Библиографические ссылки

1. Автономов В, Ананьин О, Макашева Н, редакторы. *История экономических учений*. Москва: Инфра-М; 2013. 784 с.
2. Аникин АВ. *Юность науки: жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса*. Москва: Политиздат; 1979. 367 с.
3. Блауг М. *Экономическая мысль в ретроспективе*. Москва: Дело; 1994. 720 с.
4. Гловели ГД. *История экономических учений*. Москва: Юрайт; 2012. 742 с.
5. Майбурд ЕМ. *Введение в историю экономической мысли: от пророков до профессоров*. Москва: Дело; 2000. 560 с.

6. Ротбард М. *Экономическая мысль. Том 1*. Москва: Социум; 2020. 613 с.
7. Усанов ПВ. *Ретроспектива экономической мысли: от Древней Греции до современности*. Санкт-Петербург: Страта; 2019. 302 с.
8. Ронкалья А. *Богатство идей: история экономической мысли*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2018. 656 с.
9. Ковалёв АВ. К оценке теоретической эволюции Менгера, или Сюжет о «четырёх Менгерах». *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2020;1:44–63. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-45-1-2.
10. Kavalidou A. Institutionalism and liberalism: the complexity of interaction. *Oikonomos*. 2019;3:58–65.
11. Смит А. *Теория нравственных чувств*. Москва: Республика; 1997. 351 с.
12. Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Москва: Эксмо; 2009. 960 с.
13. Скалкин ВВ, Сидорова СА. Проблема спонтанности в институциональной экономической теории. *Философия хозяйства*. 2022;2:124–133.
14. Саргент ТДж. Тезисы доклада «Конкурирующие экономические воззрения». *Вестник финансового университета*. 2015;1:6–15.
15. Тарануха ЮВ. «Невидимая рука» Адама Смита: содержание и контроль. *Общественные науки и современность*. 2018;6:162–173. DOI: 10.31857/S086904990002758-5.
16. Капелюшников РИ. Многорукий Адам Смит (часть первая). *Вопросы экономики*. 2023;10:53–74. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-10-53-74.
17. Horwitz S. From Smith to Menger to Hayek: liberalism in the spontaneous order tradition. *The Independent Review*. 2001;6(1):81–97.
18. Фергюсон А. *Опыт истории гражданского общества*. Москва: Росспэн; 2000. 389 с.
19. Хайек ФА. *Пазубная самонадеянность*. Москва: Новости; 1992. 302 с.
20. Менгер К. Основания политической экономии. В: Менгер К. *Избранные работы*. Москва: Территория будущего; 2005. с. 59–286.
21. Менгер К. *Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности*. В: Менгер К. *Избранные работы*. Москва: Территория будущего; 2005. с. 287–495.
22. Menger C. On the origin of money. *Economic Journal*. 1892;2:239–255.
23. Festré A. Carl Menger and Friedrich von Wieser on the role of knowledge and beliefs. In: Arena R, Festré A, Lazaric N. *Handbook of knowledge and economics*. Cheltenham: Edward Elgar; 2012. p. 73–98.
24. Ковалёв АВ, Пенязь ОС. Эффект сопряжения институтов в концепции Карла Менгера. *Terra Economicus*. 2022;20(1):27–37. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-1-27-37.
25. Streissler E, Streissler M, editors. *Carl Menger's lectures to crown prince Rudolf of Austria*. Aldershot: Edward Elgar; 1994. 240 p.
26. Zvrcek T, Zajchek M. *School, what is it good for? Useful human capital and the history of public education in Central Europe*. Cambridge: National Bureau of Economic Research; 2013. 39 p.
27. Исламов ТМ. К вопросу о формировании центрально-европейской культурно-исторической общности. В: Ваганова НМ, Виноградова ЕК, редакторы. *Художественная культура Австро-Венгрии: искусство многонациональной империи. 1867–1918*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2005. с. 7–17.
28. Нестеренко Е. Теория спонтанного порядка Ф. фон Хайека. *Вестник Киевского национального университета имени Т. Г. Шевченко. Серия: Экономика*. 2013;5:52–56.
29. Капелюшников РИ. Многорукий Адам Смит (часть вторая). *Вопросы экономики*. 2023;11:123–140. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-123-140.
30. Хайек ФА. *Экономическая теория и знание*. В: Хайек ФА. *Индивидуализм и экономический порядок*. Москва: Изограф; 2000. с. 41–68.
31. Капелюшников РИ. *Концепция культурной эволюции Ф. А. Хайека и эволюционная психология*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2023. 84 с.

References

1. Avtonomov V, Anan'in O, Makasheva N, editors. *Istoriya ekonomicheskikh uchenii* [History of economic thought]. Moscow: Infra-M; 2013. 784 p. Russian.
2. Anikin AV. *Yunost' nauki: zhizn' i idei myslitelei-ekonomistov do Marksa* [The youth of science: the life and ideas of thinker-economists before Marx]. Moscow: Politizdat; 1979. 367 p. Russian.
3. Blaug M. *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economic thought in retrospect]. Moscow: Delo; 1994. 720 p. Russian.
4. Gloveli GD. *Istoriya ekonomicheskikh uchenii* [History of economic thought]. Moscow: Yurait; 2012. 742 p. Russian.
5. Maiburd EM. *Vvedenie v istoriyu ekonomicheskoi mysli: ot prorokov do professorov* [Introduction into history of economic thought: from prophets to professors]. Moscow: Delo; 2000. 560 p. Russian.
6. Rothbard M. *Ekonomicheskaya mysl'. Tom 1* [Economic thought. Volume 1]. Moscow: Sotsium; 2020. 613 p. Russian.
7. Usanov PV. *Retrospektiva ekonomicheskoi mysli: ot Drevnei Gretsii do sovremennosti* [Retrospective of economic thought: from Ancient Greek to contemporary world]. Saint Petersburg: Strata; 2019. 302 p. Russian.
8. Ronkal'ya A. *Bogatstvo idei: istoriya ekonomicheskoi mysli* [The wealth of ideas: history of economic thought]. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics; 2018. 656 p. Russian.
9. Kavalidou AV. On the evaluation of Menger's theoretical evolution, or A story on «four Mengers». *Journal of New Economic Association*. 2020;1:44–63. Russian. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-45-1-2.
10. Kavalidou A. Institutionalism and liberalism: the complexity of interaction. *Oikonomos*. 2019;3:58–65.
11. Smith A. *Teoriya nravstvennykh chuvstv* [The theory of moral sentiment]. Moscow: Respublika; 1997. 351 p. Russian.
12. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow: Eksmo; 2009. 960 p. Russian.
13. Skalkin VV, Sidorova SA. The problem of spontaneity in institutional economic theory. *Filosofiya khoziaistva*. 2022;2:124–133. Russian.
14. Sargent TJ. Competing economic views. Report summary. *Vestnik finansovogo universiteta*. 2015;1:6–15. Russian.

15. Taranukha YuV. Adam Smith's «invisible hand»: defining its content and assessing the role. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2018;6:162–173. Russian. DOI: 10.31857/S086904990002758-5.
16. Kapeliushnikov RI. Multihanded Adam Smith (part one). *Voprosy ekonomiki*. 2023;10:53–74. Russian. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-10-53-74.
17. Horwitz S. From Smith to Menger to Hayek: liberalism in the spontaneous order tradition. *The Independent Review*. 2001;6(1): 81–97.
18. Ferguson A. *Opyt istorii grazhdanskogo obshchestva* [An essay on the history of civil society]. Moscow: Rosspen; 2000. 389 p. Russian.
19. Hayek FA. *Pagubnaya samonadeyannost'* [Fatal conceit]. Moscow: Novosti; 1992. 302 p. Russian.
20. Menger C. [Principles of economics]. In: Menger C. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Territoriya budushchego; 2005. p. 57–286. Russian.
21. Menger C. [Investigations into the method of the social sciences, with special reference to economics]. In: Menger C. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Territoriya budushchego; 2005. p. 287–495. Russian.
22. Menger C. On the origin of money. *Economic Journal*. 1892;2:239–255.
23. Festré A. Carl Menger and Friedrich von Wieser on the role of knowledge and beliefs. In: Arena R, Festré A, Lazaric N. *Handbook of knowledge and economics*. Cheltenham: Edward Elgar; 2012. p. 73–98.
24. Kavaliou AV, Peniaz OS. Mutual influence of institutions in the concept of Carl Menger. *Terra Economicus*. 2022;20(1):27–37. Russian. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-1-27-37.
25. Streissler E, Streissler M, editors. *Carl Menger's lectures to crown prince Rudolf of Austria*. Aldershot: Edward Elgar; 1994. 240 p.
26. Zvrcek T, Zajchek M. *School, what is it good for? Useful human capital and the history of public education in Central Europe*. Cambridge: National Bureau of Economic Research; 2013. 39 p.
27. Islamov TM. [On the formation of Central-European cultural-historical community]. In: Vaganova NM, Vinogradova EK, editors. *Khudozhestvennaya kul'tura Avstro-Vengrii: iskusstvo mnogonatsional'noi imperii. 1867–1918* [The artistic culture of Austria-Hungary: the art of a multinational empire. 1867–1918]. Saint Petersburg: Aleteya; 2005. p. 7–17. Russian.
28. Nesterenko O. F. von Hayek's theory of spontaneous order. *Vestnik Kievskogo natsional'nogo universiteta imeni T. G. Shevchenko. Seriya: Ekonomika*. 2013;5:52–56. Russian.
29. Kapeliushnikov RI. Multihanded Adam Smith (part two). *Voprosy ekonomiki*. 2023;11:123–140. Russian. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-123-140.
30. Hayek FA. [Economic theory and knowledge]. In: Hayek FA. *Individualizm i ekonomicheskii poryadok* [Individualism and economic order]. Moscow: Izograf; 2000. p. 41–68. Russian.
31. Kapeliushnikov RI. *Kontsepsiya kul'turnoi evolyutsii F. A. Khaieka i evolyutsionnaya psikhologiya* [F. A. Hayek's cultural evolution concept and evolutionary psychology]. Moscow: Publishing House High School of Economics; 2023. 84 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 13.02.2024.

Received by editorial board 13.02.2024.